

Генри Райдер Хаггард

Неравный поединок

Генри Райдер Хаггард
Неравный поединок
Серия «Рассказы охотника», книга 1

Scanned, OCR-ed, spell-checked and formatted by den@gsv4.nsk.su
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125057

Генри Райдер Хаггард

Неравный поединок

То, о чем пойдет речь на этих страницах, поведал мне старый друг Аллан Куотермэн, или, как мы его звали в Южной Африке, Охотник Куотермэн. Я услышал этот рассказ однажды вечером, когда гостил в его йоркширской усадьбе. А потом у него умер единственный сын, и горе его было так велико, что вскоре он покинул Англию, сопровождаемый двумя спутниками, с которыми всегда путешествовал вместе, – сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом. Уехал – и канул навсегда в темные глубины Африки. Он уверял, что где-то на плоскогорье, затерянном в обширной и еще не исследованной внутренней части материка, живет белый народ. За долгую жизнь в Африке слухи об этом народе не раз доходили до него. И вот он поклялся себе, что найдет этих людей, – иначе ему не умереть спокойно. В такую вот авантюру он увлек своих товарищей, отправившихся вместе с ним; сдается мне, что они уже не вернутся никогда. Я получил от старика Куотермэна только одно письмо, отправленное из миссии в верховьях Таны – реки, впадающей в океан на восточном побережье, приблизительно в трехстах милях к северу от Занзибара. В письме говорилось, что они перенесли немало лишений, что приключений у них было предостаточно, однако они живы и здоровы, а самое главное – напали на следы, ко-

торые еще больше укрепили их надежду на то, что безумная затея приведет к «замечательному и беспримерному открытию». Боюсь, что открытие это зовется смертью, ведь письмо получено очень давно и с тех пор никто ничего не слышал об экспедиции. Участники ее бесследно исчезли.

В тот последний вечер, проведенный в доме Куотермэна, он рассказал мне и капитану Гуду, тоже обедавшему у него, историю, изложенную ниже. За обедом Куотермэн выпил два или три стакана старого портвейна, только чтобы помочь мне и Гуду добраться до доньшка второй бутылки. Такое не часто с ним бывало. Все ведь знали, что он абсолютный трезвенник. Куотермэн говорил, что спиртные напитки внушают ему просто ужас, он достаточно насмотрелся, что они делают с охотниками, погонщиками и многими другими людьми, бок о бок с которыми он провел столько лет своей жизни. Может быть, потому доброе вино оказало на него более сильное действие, чем это пристало зрелому мужчине: окрасило румянцем его впалые щеки и сделало его, обычно молчаливою, гораздо разговорчивее.

Дорогой старина! Я как сейчас вижу его; вот он, прихрамывая, шагает по столовой, седые волосы стоят торчком, будто щетина, с морщинистого, желтоватого лица смотрят большие черные глаза, зоркие, как у ястреба, и кроткие, словно у оленя. Вся комната увешана трофеями его многочисленных охотничьих походов. Он мог многое рассказать о любом из них, если, конечно, удавалось его уговорить.

Обычно это не удавалось: он не любил распространяться о своих приключениях. Но в тот вечер портвейн развязал ему язык.

– Ах ты зверюга! – сказал он, остановившись на миг против гигантскую черепа льва, скалившего зубы из-под длинного ряда ружей, висевших на стене над камином. – Ах ты чудовище! Вот уж двенадцать лет терплю из-за тебя неприятности и, верно, не избавлюсь от них до самой смерти.

– Расскажите нам об этом случае, Куотермэн, – попросил Гуд. – Вы много раз обещали, но так и не собрались.

– Лучше не просите, – отвечал тот, – это слишком длинная история.

– Отлично, – подхватил я, – вечер только начинается, да и портвейна еще предостаточно.

Куотермэн сдался. Он набил трубку крупно нарезанным табаком из банки, всегда стоявшей на каминной полке, и начал свой рассказ, продолжая вышагивать по комнате.

«В страну Секукуни я прибыл, кажется, в марте 1869 года. Это было сразу после смерти Секвати, я уже не помню, как пришел к власти Секукуни. Мне сказали, что люди племени бапеди привезли из глубинных районов материка огромное количество слоновой кости: поэтому в Мидделбурге я набил целый фургон товарами, рассчитывая наменьше побольше клыков. В столь раннее время года в тех местах свирепствует лихорадка, и путешествие туда сопряжено с большим риском. Однако я слышал, что на эту партию слоновой кости

зарится еще кое-кто, а потому твердо решил попытать счастья, пренебрегая опасностью заболеть. Впрочем, не очень-то я боялся лихорадки, считая, что достаточно закален постоянными лишениями.

Действительно, некоторое время все шло хорошо. Бушвелд был великолепен; кое-где его пересекали гряды холмов, там и сям виднелись гранитные копье, похожие на часовых, бдительно охраняющих эти бесконечные заросли. Но, как и полагается в марте (в той части Африки это осень), лихорадка так и косила людей, а жара была такая, словно вас сунули в раскаленную духовку. Мы спускались вдоль реки Олифантс, и каждое утро на рассвете я вылезал из фургона, чтобы осмотреть местность. Реки не было видно, в той стороне глаз различал только похожие на валы белые клубы тумана. Точь-в-точь огромные кучи ваты, наметанные гигантскими вилами. Такой туман приносит лихорадку.

Из зарослей поднимались тонкие струйки пара, как если бы там горели сотни маленьких костров. То были испарения тысяч тонн гниющих растений.

Да, местность поражала своей красотой, но красотой смерти. Все эти полосы и пятна тумана складывались в одно слово, и слово это – лихорадка.

В тот год болезнь просто свирепствовала. Помню, как я однажды собрался зайти в небольшой крааль knobнозов, чтобы достать немного кислого молока – маас – и вареной кукурузы. Еще издали меня поразила странная тишина во-

круг краалья. Не слышно было ни детских голосов, ни лая собак, не видно пасущегося скота. По всем признакам крааль не был заброшен, во всяком случае до самом последнего времени, и все же там было тихо, как в подступавших к нему зарослях. У самого входа в крааль из кустов опунции выпорхнуло несколько цесарок. Я, помнится, не сразу решился войти в крааль – таким опустошением веяло от него. Природа никогда не кажется печальной там, где ее не касалась рука человека; она только вызывает чувство одиночества. Но если человек прошел по местности, а потом покинул ее, она внушает глубокую грусть.

Все-таки я вошел в крааль и направился в главную хижину. Перед ней лежало нечто, накрытое старым овчинным карросом. Я нагнулся, откинул его и отпрянул: он прикрывал тело недавно умершей молодой женщины. Я чуть было не пустился бежать, но любопытство взяло верх над страхом. Пройдя мимо умершей, я опустился на четвереньки и влез в хижину. Внутри было темно, я ничего не видел, но нос мой почуял недоброе. Я зажег спичку. Спичка была тандстикор, а потому разгоралась медленно и давала мало света. Постепенно в хижине стало светлее, и я разглядел целую семью взрослых и детей, которые, казалось, крепко спали. Внезапно спичка вспыхнула, и я понял, что все они – а их было пятеро – давно мертвы. Один из пятерых был младенец. Я поспешно бросил спичку и стал выбираться из хижины, как вдруг заметил два больших глаза, глядевших на меня из уг-

ла. Я подумал, что это дикая кошка или другое животное, и заторопился еще больше. Но тут из угла раздалось бормотание, а затем страшный вопль.

Я торопливо чиркнул еще одной спичкой. На меня глядела старуха, кутавшаяся в кусок шкуры. Я взял старуху за руку и вытащил из хижины, потому что она не могла или не хотела идти сама, а я от зловония едва не потерял сознания. Ну и вид у нее был – одни кости в мешке из черного, сморщенного пергамента. Только волосы были белые. Она казалась мертвой, жили лишь глаза да голос. Старуха, видно, решила, что я злой дух, пришедший за ней, потому она и вопила. Кое-как я дотащил ее до фургона и дал глоток капского виски, а затем влил ей в глотку полпинты бульона, который тут же приготовил из мяса антилопы гну, застреленной накануне. Старуха поразительно быстро пришла в себя. Она говорила по-зулусски, и я узнал, что она бежала из страны зулусов во времена Чаки. Старуха рассказала, что все, кого я видел, умерли от лихорадки. Оставшиеся в живых жители крааля ушли и угнали скот, бедную старуху, беспомощную от старости и истощения, бросили умирать от голода или болезни. Когда я нашел ее, она уже трое суток просидела с мертвецами. Я отвез ее в соседний крааль и подарил старейшине одеяло, чтобы он заботился о старухе; еще одно одеяло я обещал ему, если на обратном пути найду ее в добром здравии. Помнится, он очень удивился тому, что я был готов расстаться с двумя одеялами ради никому не нужного старого существа.

Почему я не оставил ее в зарослях? – спрашивал он. Как видите, эти люди доводят до логического конца учение о выживании наиболее приспособленных.

На следующую ночь после того, как я избавился от старухи, мне пришлось познакомиться с этим вот приятелем, – он кивнул в сторону черепа, который, казалось, скалился на нас со стены над каминной полкой. – С самого рассвета до одиннадцати часов я был в пути немалый срок, но мне хотелось быстрее добраться до цели. Все же я распряг волов и пустил их пастись под присмотром проводника, рассчитывая снова запрячь их часов в шесть вечера и ехать при свете луны до десяти. Затем я забрался в фургон и хорошенько поспал. Проснувшись часа в три пополудни, я встал, поджарил мяса и пообедал, запив жаркое кружкой черного кофе (в те времена консервированное молоко было редкостью). Не успел Том – так звали погонщика – вымыть посуду после обеда, как появился проводник. Молодой шалопай гнал перед собой одного вола.

– А где же остальные? – спросил я.

– Нкости! – ответил он. – Нкости! Остальные удрали. Только я отвернулся, они ушли, кроме вот Каптейна, он чесал спину о дерево.

– Значит, ты захрапел и упустил волов, негодник, – закричал я в раздражении. Не очень-то приятно застрять этак на неделю в местах, которые лихорадка превратила в ловушку, да еще, к тому же, день и ночь гоняться за волами! – Иди

сейчас же за ними, и ты тоже, Том. Да не вздумайте возвращаться без волов! Они, верно, отправились домой, в Мидделбург, и, чего доброго, отошли миль на двенадцать. Так что без разговоров! Ступайте оба!

Погонщик Том выругался и отпустил пареньку здоровую затрещину, вполне, разумеется, им заслуженную. Затем они привязали старого Каптейна за поводья к дышлу и, взяв ас-сегаи и палки, двинулись в путь. Я не прочь был бы пойти и сам, но оставлять на ночь фургон под присмотром одного из них мне не хотелось. Настроение было препоганое, хотя мне давно следовало привыкнуть к подобным происшестви-ям. Чтобы успокоиться, я взял винтовку и отправился на по-иски дичи. Часа два я бродил попусту, не обнаружив ничего, во что стоило бы стрелять. Я повернул назад и тут наконец ярдах (9) в семидесяти от фургона увидел за деревцом мимо-зы старого самца антилопы импала. Он бежал прямо к фур-гону, и мне удалось как следует прицелиться, когда он был уже в нескольких футах (10) от повозки. Я нажал спусковой крючок; пуля попала в спину. Импала свалился, жизни в нем оставалось не больше, чем в дверном гвозде. Хороший был выстрел, хотя мне и не подобает говорить об этом. Настрое-ние мое улучшилось, тем более что антилопа рухнула у зад-ней стенки фургона, так что мне осталось только, освежевав ее тушу, обвязать ремнем ноги и подтянуть кверху. Когда я покончил с этим делом, солнце уже зашло, с неба светила полная луна. Да какая прекрасная! А затем наступила та по-

разительная тишина, которая иногда воцаряется над африканскими джунглями в первые часы ночи. Замолкло все – и животные, и птицы. Ни дуновения ветерка в кронах деревьев, даже тени их не колебались, только становились все больше. Тишина начала угнетать меня, я чувствовал себя безмерно одиноким. Слуг с волами и в помине не было. Меня радовало даже общество старого Каптейна, который лежал, прижавшись к дышлу, и безмятежно пережевывал Свою жвачку.

Но вдруг Каптейн встревожился. Сначала он засопел, потом встал и снова засопел. Я не мог понять, в чем дело, и как дурак спрыгнул с фургона, чтобы оглядеться вокруг: я решил, что наконец возвращаются пропавшие вола.

Уже в следующее мгновение я пожалел о своем поступке: раздался рев, что-то желтое промелькнуло передо мной и обрушилось на бедного Каптейна. Послышался предсмертный хрип вола и хруст шейных позвонков несчастного животного, сокрушаемых зубами льва. Тут я понял, что произошло. «Ружье в фургоне», – молнией сверкнуло у меня в голове. Я повернулся и бросился за ним. Став одной ногой на переднее колесо, я поднялся, чтобы влезть в фургон, но тут же замер, словно окаменев: прямо за собой я услышал дыхание льва, и в следующий миг зверь прикоснулся ко мне, как я вот сейчас прикасаюсь к столу. Я чувствовал, что лев обнюхивает мою левую ногу, болтающуюся в воздухе.

Клянусь, это было странное чувство. Не припомню, чтобы я испытывал такое прежде. Я не смел пошевелиться, хо-

тя дело шло о моей жизни. Но самое удивительное, что моя левая нога обрела самостоятельность и я потерял над ней власть; у нее появилось неодолимое стремление брыкаться. Так иногда истеричному человеку хочется смеяться, и тем более неудержимо, чем торжественнее обстановка вокруг. Между тем лев медленно обнюхивал мою ногу, водя носом от лодыжки вверх к бедру. Я подумал, что вот сейчас он в нее вцепится, но лев поступил иначе. Он негромко рыкнул и вернулся к волю. Чуть повернув голову, я его увидел. Вероятно, это был самый большой из виденных мною львов, а видел я их немало. И еще у него была особая примета – огромная черная грива. А зубы! Но на зубы вы можете полюбоваться сами. Порядочные, а? Это было великолепное животное, и, лежа на передке фургона, я подумал, что такой лев украсил бы любой зверинец. А он тем временем стоял над тушей бедного Каптейна и свеживал ее не хуже мясника. Я так и не решался пошевелиться, потому что лев то и дело поднимал голову и следил за мной, не переставая облизывать окровавленные куски мяса. Растерзав Каптейна, он раскрыл пасть и зарычал. Скажу без преувеличения, что от этого рыка дрогнул фургон. Тотчас же послышалось ответное рычание. «Боже мой! – пронеслось у меня в голове. – Да тут еще и супруга!»

Не успел я так подумать, как увидел при свете луны львицу, которая приближалась по высокой траве огромными прыжками, а за ней трусили двое львят, каждый величиной

с мастифа. Львица остановилась в нескольких футах от моей головы; она стала хлестать хвостом по бокам, уставившись на меня своими желтыми глазами. Я подумал, что мне конец. Но тут она отвернулась и принялась закусывать бедным Каптейном; ее примеру последовали и львята. Все четверо находились футах в восьми от меня. Они рычали и ссорились, рвали и терзали когтями мясо вола и разгрызали зубами кости. Я лежал, трясясь от страха и обливаясь холодным потом, и чувствовал себя, как Даниил, брошенный к львам.

Между тем львята наелись досыта и начали расхаживать кругом. Один подошел к фургону сзади и принялся теревить свисавшую тушу антилопы импала. Другой направился ко мне и стал, играючи, обнюхивать мою ногу. Скоро, впрочем, этого показалось ему мало. Примев, что у меня задралась штанина, он вздумаллизать мою кожу своим шершавым языком. Видно, это ему нравилось, он лизал все настойчивее, все с большим упоением и притом громко мурлыкал. Тут я решил, что теперь и вправду мне конец: вот-вот его язык, как наждак, сдерет мне кожу – слава еще Богу, что она у меня дубленая, – и львенок почувствует вкус крови. Тогда у меня не останется ни малейшей надежды на спасение. Так я лежал, припоминая свои грехи, возносил молитвы Всевышнему и думал, что жизнь все-таки чертовски прекрасная штука.

Вдруг раздался треск кустарника, крики, свист – и передо мной появились оба слуги с волами. Потом выяснилось, что

волы так и брели стадом, все вместе. Львы, как один, подняли головы, прислушались и... исчезли, сделав огромный беззвучный прыжок куда— то в сторону. А я потерял сознание.

В ту ночь львы больше не возвращались, и к утру мои нервы успокоились. Но мысль о том, что я перенес от лап, то есть, простите, носов этих четырех зверей, и об участии вола Каптейна, заднего в упряжке, приводила меня в ярость, Великолепный вол! Я очень любил его! Я так взбеленился, что как дурак решил атаковать львиное семейство. Подобный поступок пристал бы только зеленому новичку, впервые ступившему на охотничью тропу. И все же я поступил именно так. После завтрака я натер маслом ногу, сильно болевшую от прикосновений языка львенка, кликнул погонщика Тома (которому эта затея явно не нравилась), взял обычное гладкоствольное ружье двенадцатого калибра и отправился в поход. Это было мое первое оружие, заряжающееся не с дула, а с казенной части. Бой у гладкоствольного ружья очень хороший. По опыту я знал, что пуля из такого ружья разит льва не хуже, чем пуля из нарезного оружия. Лев не очень живуч, и прикончить его нетрудно — только попасть бы. Убить антилопу куда сложнее.

Итак, я отправился на охоту. В первую очередь следовало выяснить, где находятся звери днем. Ярдах в трехстах от фургона вздымалась высотка, поросшая, словно в парке, свободно разбросанными деревцами мимозы. Дальше тянулась открытая равнина, опускавшаяся к высохшему озерцу. Оно

занимало около акра и было покрыто камышом, сухим и пожелтевшим. За озерцом начинался намытый водой глубокий овраг, заросший частым кустарником, над которым возносились несколько больших деревьев, не помню уже, какой породы.

Мне сразу пришло в голову, что именно здесь я могу повидаться с моими приятелями, ибо лев больше всего любит лежать в зарослях. Это позволяет ему вести наблюдение за окружающим, а самому оставаться невидимым. Я отправился к озерцу на разведку. Не успел я обойти его и наполовину, как обнаружил остатки антилопы гну. Она была убита не менее трех-четырёх дней назад. Львы сожрали только часть ее. По этому признаку, да и по некоторым другим, я определил, что если львы и не побывали здесь сегодня, то, во всяком случае, проводят тут немало времени. А если они и сейчас в зарослях, как выманить их оттуда? Ведь никому, кто не собирался немедленно покончить счеты с жизнью, не придет в голову лезть к ним в лапы. Довольно сильный ветер дул со стороны фургона через покрытое камышами озерцо к поросшему кустарником оврагу. Это и навело меня на мысль поджечь камыши, которые, как я уже, кажется, говорил, почти высохли. Том начал поджигать траву спичками слева, я справа. Но у корней камыши оставались еще зелеными, и нам не удалось бы поджечь их, если бы не ветер, а он задувал все сильнее по мере того, как поднималось солнце. Ветер буквально вгонял пламя в камыши. Мы провозились с

полчаса, пока наконец камыши не занялись. Огонь стал распространяться широким веером. Я поспешил на противоположный берег озера, чтобы там дожждаться львов. Встал на совершенно открытом месте – в точности так, как сегодня во время охоты на вальдшнепов в рощице. Тогда это было довольно рискованно, но в те времена я был так уверен в своей меткости, что не боялся. Едва я занял позицию, как услышал треск, – сквозь камыши продиралось какое-то животное. «Вот он!» – сказал я себе. Животное приближалось. Я уже видел его желтоватую шкуру и приготовился к бою, но тут вместо льва из камышей выскочила великолепная антилопа импала, укрывавшаяся в озере. Она доверчиво обосновалась рядом со львами, словно лань из библейского пророчества. Впрочем, я подозреваю, что даже в таких густых камышах она старалась держаться подальше от хищников.

Я пропустил импалу, вихрем промелькнувшую мимо меня, и продолжал пристально вглядываться в камыши. Пламя теперь бушевало, как в топке. Оно бесновалось и ревело, пожирая камыши. Огненные искры взлетали футов на двадцать, а то и выше. Раскаленный воздух плясал, причудливыми струями поднимаясь вверх. Однако от полужелтых камышей шел густой дым, валом катившийся в мою сторону. Ветер прижимал его к земле. И вдруг сквозь треск и гул огня я услышал рев потревоженного льва, потом другого, третьего... Значит, львы и вправду были дома.

Теперь я начал волноваться. Вы ведь знаете, друзья мои,

что ничто так не ударяет по нервам, как приближение льва, если не считать, разумеется, раненою буйвола. Еще больше я встревожился, когда увидел сквозь дым, что все львиное семейство пробирается вдоль края камышей. Иногда они приподнимались над камышами точь-в-точь кролики, выглядывающие из норы, – но, заметив всего ярдах в пятидесяти меня, прятали головы снова. Я понимал, что львов порядком поджаривает и эта игра недолго еще продлится. И действительно, все четверо разом покинули укрытие. Старый черногривый дев опередил остальных на несколько ярдов. За всю свою жизнь охотника я не видел более великолепного зрелища, чем эта четверка, несущаяся прыжками по велду на фоне густой тучи дыма. За ними, как в жаркой печи, пылали камыши.

Я рассчитывал, что по пути к заросшему кустарником оврагу они промчатся мимо меня на расстоянии примерно двадцати пяти ярдов. Поэтому, сделав глубокий вдох, я тщательно прицелился в плечо льва – того самого, черногривого, – с таким расчетом, чтобы пуля, сместившись на дюйм или два, угодила в сердце. Лев попал мне на мушку, и мой палец уже начал нажимать на спусковой крючок, когда я вдруг ослеп от искры, влетевшей мне в правый глаз. Я заплясал от боли, принялся тереть глаз и более или менее протер его как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как хвост последнего льва скрылся за кустарником в верхней части оврага.

Можете себе представить, как я бесновался! Надо же было

слу— читься такому невезению! Выстрел на открытом месте непременно принес бы удачу.

Однако я не желал признавать себя побежденным и бросился к оврагу. Погонщик Том кричал и умолял меня не ходить туда. Я никогда не выставлял себя отчаянным храбрецом, да я таким не был сроду. Но на этот раз я твердо решил: либо я убью львов, либо пускай они прикончат меня. Поэтому я сказал Тому, что он может не ходить за мной, если не хочет, но сам я пойду, что бы там ни было. Том происходил из народа свази и был отважным парнем. Он пожал плечами и, бормоча, что я сошел с ума или околдован, покорно пошел за мной следом.

Вскоре мы достигли оврага. Он имел ярдов триста в длину и порос совсем не так густо, как казалось издали. Тут-то и началась комедия. За каждым кустом мог прятаться лев, ведь их было все-таки четверо. Оставалось решить, где же именно они находятся? Я уж и смотрел, и высматривал во всех направлениях, а душа у меня то и дело уходила в пятки. Наконец я был вознагражден: за кустом мелькнуло что-то желтое. В тот же миг из-за другого куста, как раз напротив меня, выскочил львенок и помчался галопом обратно к выгоревшей части озера. Я сделал поворот кругом и выстрелил, не целясь. Пуля раздробила ему хребет в двух дюймах от копчика. Львенок перевернулся через голову и упал, беспомощный, но глаза его горели яростью, Погонщик прикончил его ассегам. Я открыл затвор и поспешно вытащил гильзу. По-

том я понял, что она, очевидно, разорвалась в стволе и часть заряда застряла там. Так или иначе, когда я пытался вогнать новый патрон, он вошел только наполовину. И поверите ли, именно в этот момент соизволила появиться на сцене львица: ее, очевидно, привлекли вопли детеныша. Она остановилась шагах в двадцати от меня, хлеща хвостом по бокам, и вид у нее был зловещий донельзя. Я медленно отступил, стараясь вогнать патрон. Тут она направилась в мою сторону короткими прыжками, всякий раз приседая на мгновение. Опасность надвигалась неотвратимо, а патрон все не входил. Как ни удивительно, я думал в эту минуту о фабриканте, выпускающем такие патроны. Имени его я вам не назову, но тогда мною владело одно страстное желание: если уж зверюга схватит меня, пусть и фабриканта постигнет достойное возмездие. Убедившись, что патрон не входит, я попытался вытащить его, но он заклинился. А, между тем, если я не закрою затвор, то не смогу выбить гильзу и воспользоваться вторым стволом, то есть останусь, в сущности, безоружным.

Я начал медленно отступать назад, не спуская глаз с львицы, подползавшей на брюхе. Она двигалась беззвучно, все хлеща себя хвостом по бокам, и тоже не спускала глаз с меня. А по глазам ее было видно – через несколько секунд она прыгнет. Я изо всей силы нажимал ладонью на медную закраину гильзы, пока из руки не потекла кровь. Смотрите, следы остались до сих пор!

Тут Куотермэн поднес к свету правую руку и показал нам

четыре или пять белых шрамов на том месте, где запястье переходит в кисть.

– Но это нисколько не помогло, – продолжал он, – патрон не двигался с места. Никому не пожелаю очутиться в таком переплете. Львица вся подобралась, и я уже попрощался с жизнью, как вдруг откуда-то сзади раздался голос Тома:

– Возьми вправо! Ты идешь прямо к раненому львенку!

Я не очень-то понимал, в чем дело, но все же послушался и, не отрывая глаз от львицы, продолжал отходить, теперь уже взяв в сторону под прямым углом. И что вы думаете? К моей величайшей радости, львица, негромко рыкнув, выпрямилась и побежала вверх по оврагу.

– Пойдем, нкоси, – сказал Том, – вернемся к фургону.

– Хорошо, Том, – ответил я, – я вернусь. Но сперва убью остальных трех.

Такой ярости и такой решимости довести дело до конца я не испытывал никогда в жизни ни до, ни после.

– Можешь убираться, если хочешь, или залезай на дерево.

Том взвесил оба предложения и благоразумно взобрался на дерево. Жаль, что я не последовал его примеру.

Я нашарил в кармане нож с экстрактором и наконец с превеликим трудом вытащил злополучный патрон, который чуть не погубил меня. При этом я прочистил и ствол. Кусочек заряда, застрявший там, был не толще почтовой марки (во всяком случае, не толще листа писчей бумаги) Покончив с этим, я зарядил ружье, перевязал носовым платком руку,

чтобы остановить кровь, и опять принялся за свое.

Я заметил, что львица скрылась ярдах в пятидесяти выше того места, где я стоял, в густом зеленом кустарнике, что рос над ручьем, протекавшим по дну оврага, Туда я и направился. Однако когда я продрался в гущу, я ничего не смог разглядеть. Тогда я поднял большой камень и швырнул его в кусты. Вероятно, он попал во вторую львенка. Так или иначе, звереныш выпрыгнул и очутился сбоку от меня, дав мне таким образом возможность открыть, как говорят, огонь с левого борта. Я поспешил воспользоваться этим и уложил его наповал. За львенком из кустов с быстротой молнии выскочила львица. Но как проворна она ни была, я успел всадить ей из второго ствола пулю между ребер, да так, что она, подпрыгнув, сделала в воздухе тройное сальто, словно подстреленный на бегу кролик. Я тут же загнал в ружье два новых патрона. Львица приподнялась и поволокла ко мне свое тело на передних лапах, рыча и испуская стоны, и голос ее выражал такую сатанинскую злобу, какой я еще не видел. Я снова выпалил и на сей раз попал ей в грудь. Тут львица упала на бок и испустила дух.

Это был первый и последний раз, когда мне привелось стрелять по двум львам справа и слева. Да я и не слышал, чтобы кому-нибудь удавалось такое.

Я был, конечно, очень доволен собой и, зарядив снова ружье, отправился на поиски черногривого красавца, здравшего Каптейна. Поднимался я по оврагу медленно и с ве-

личайшей осторожностью, обыскивая по пути каждый куст, каждый пучок травы. Уверяю вас, это было волнующее занятие: ведь в любое мгновение лев мог броситься на меня. Успокаивал я себя тем, что лев, если он не загнан в тупик и не ранен, редко первым нападает на человека. Редко, но случается, и вы об этом сейчас услышите. Вероятно, я потратил на поиски не меньше часа. Один раз мне показалось, что я вижу какое-то движение в траве, но, верно, это была ошибка, льва я так и не обнаружил.

Наконец я добрался до конца оврага и очутился в тупике. Дальнейший путь преграждала каменная скала высотой около пятидесяти футов. С нее низвергался небольшой водопад, а впереди футах в семидесяти находилось нагромождение валунов высотой футов в двадцать пять. Они поросли кое-где папоротником, травой и чахлыми кустами.

Стены оврага и здесь били довольно крутые, но я все же забрался наверх и осмотрелся. Ничего! Я, как видно, упустил льва в нижней части оврага, а может, он и вовсе удрал. Вот досада! Впрочем, застрелить за утро трех львов из одного ружья не так уж плохо. Я решил удовлетвориться этим и спустился обратно, обходя нагромождение валунов. От возбуждения и усталости я совсем обессилел, а ведь мне еще предстояло снимать шкуру с трех львов. Отойдя от груды валунов ярдов на восемнадцать, я огляделся. Глаз у меня достаточно зоркий, наметанный, но я решительно ничего не заметил.

И вдруг увидел такое, от чего у меня кровь застыла в жилах. Прямо напротив, на груди валунов, стоял, четко вырисовываясь на фоне скалы, черногривый. Он прятался там, припав к земле, а теперь поднялся и возник передо мной во весь рост, словно по велению волшебника. Он стоял там, бил хвостом – живая копия скульптуры, украшающей ворота дома Нортумберлендов. Как раз недавно я видел эти ворота на картинке. Но стоял он недолго. Едва я прижал к плечу приклад ружья, как он прыгнул с валунов прямо на меня.

Боже, каким огромным он выглядел, каким страшным! Высоко в воздухе он описал большую дугу. Я выстрелил в тот момент, когда лев достиг ее высшей точки. Медлить было нельзя, ибо, чтобы преодолеть расстояние между нами и обрушиться прямо на меня, ему достаточно было одного прыжка. Поэтому я выстрелил, почти не целясь, как охотник, который бьет влет бекаса. Пуля попала в цель – я слышал глухой удар о тело льва, со свистом рассекавшее воздух. Еще мгновение – и меня бросило на землю, я упал на низкорослый кустарник, обвитый ползучими растениями, что ослабило силу удара. Лев подмял меня под себя, его огромные белые зубы сомкнулись на моем бедре, я даже услышал, как они заскрежетали о кости. В ужасе я завопил, ибо в отличие от доктора Ливингстона, которого, кстати, хорошо знал, не чувствовал себя ни оцепеневшим, ни спокойным. Я уже считал себя погибшим. Но внезапно – как раз когда я прощался с жизнью – хватка льва ослабла. Он отпустил мое бедро и за-

шатался из стороны в сторону. Огромная пасть, из которой хлестала кровь, была широко раскрыта. Потом он заревел, и рев его потряс скалы.

И вот его огромная голова упала, чуть не придавив меня. Он был мертв. Пуля вошла в грудь и вышла с правой стороны хребта, где-то в середине спины.

Моя рана ужасно болела, и я только потому не потерял сознания. Отдышавшись, я кое-как выбрался из-под тела льва. Благодарение Богу, его огромные зубы не раздробили бедренной кости. Но кровь шла ручьем, и, вероятно, я умер бы от потери крови, если б на помощь не прибежал Том. Вдвоем мы развязали носовой платок на моей руке и плотно, с помощью палки, перетянули ногу.

Так я заплатил за то, что как безумец решил в одиночку сражаться с целым семейством львов. Поединок был слишком неравным. С тех пор я хромаю и останусь хромым до самой смерти. Каждый год в марте моя рана начинает болеть, а примерно раз в три года открывается.

Вряд ли нужно говорить, что я так и не приобрел партию слоновой кости в ставке Секукуни. Она досталась другому – какому– то немцу, который нажил на ней пятьсот фунтов. Я же целый месяц лежал на спине и еще полгода еле ходил. А теперь, когда я рассказал вам свою историю, выпью еще глоток голландской, да и на покой. Спокойной ночи вам, спокойной ночи!»